

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151

EDN: VUYWHJ

Группизм как центральный элемент национального характера японцев

Наталья Сергеевна Шендеровская

Ассистент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Аннотация. В данной статье рассмотрена такая характеристика японского общества как группизм или групповое сознание. Для этого, взяв за основу работы исследователей Чиэ Наканэ, Дои Такэо, Герта Ховстеде и других, мы проследили истоки возникновения теории «вертикального общества», а также рассмотрели понятие группового сознания и психологический феномен «амаэ» и их роль в формировании национального характера японцев. Данная теория объясняет коллективистский тип его организации. В таком обществе гармония и социальный порядок выходят на первый план. С одной стороны, вытесняя индивидуальность индивида, с другой – способствуя образованию сплоченного коллектива. Прототипом японской социальной группы называют традиционную семью, которая возникла вследствие природных и исторических факторов. Мы рассматриваем группизм как центральный элемент национального характера японцев, воспроизводимого посредством характерных воспитательных методов. Основные отличительные особенности этих методов заключаются в использовании наглядности в противовес словесным объяснениям и в акцентировании важности чувств окружающих. Такой подход формирует качества комфортности и лояльности к интересам группы, но лишает человека возможности активно продвигать свои интересы, апеллируя к неуместности конкуренции внутри своей группы. Однако, в последнее время прослеживается тенденция к воспитанию конкурентоспособного члена общества, которая легитимизирует стремление индивида повышать свой индивидуальный, и вместе с тем – уровень своей группы. То, что группизм приводит к неумению гибко мыслить, в XXI веке было осознанно правительством Японии, поэтому в настоящее время на государственном уровне проводится целенаправленный курс на развитие индивидуальности членов общества, чтобы они приобрели навыки творческого подхода к решению задач современности.

Ключевые слова: группизм; социальное взаимодействие в Японии; национальный характер японцев; вертикальное общество; амаэ; коллективизм

Для цитирования: Шендеровская Н. С. Группизм как центральный элемент национального характера японцев // // Мир русскоговорящих стран. 2022.

© Шендеровская Н. С., 2022

№ 4 (14). С. 141-151. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151>.
<https://elibrary.ru/vuywhj>.

Groupism as a core element of Japanese national character

Natalia S. Shenderovskaya

Lecturer at the department of the English language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
shvnataliya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-0734>

Abstract. This article examines such a characteristic of Japanese society as groupism or group consciousness. For this purpose, the author traces the origins of the “vertical society” theory, using the researches written by Chie Nakane, Doi Takeo, Gert Hovstede, and others, and considers the concept of group consciousness and the psychological phenomenon of “amae” and their role in shaping Japanese national character. This theory explains the collectivist type of its organization. In such a society, harmony and social order come to the fore, displacing the individuality of a person, on the one hand, and contributing to the formation of a united team, on the other. The prototype of the Japanese social group is said to be the traditional family, which resulted from natural and historical factors. Groupism is seen as a central element of the Japanese national character, reproduced through specific educational methods. The main distinctive features of these methods are the use of visual as opposed to verbal explanations and the emphasis on the importance of other people's feelings. This approach forms such qualities as comfort and loyalty to the interests of the group, but deprives the individual of the opportunity to actively promote their interests by appealing to irrelevance of competition within their group. Recently, however, there has been a trend toward raising a competitive member of society that legitimizes the individual's desire to improve their personal level, and at the same time, the level of their group. In the 21st century, the Japanese government has realized that groupism leads to inability to think flexibly, therefore, there is now a state policy aimed at developing individual members of society, so that they can acquire the skills to creatively address the challenges of our time.

Keywords: groupism; social interaction in Japan; Japanese national character; vertical society; amae; collectivism

For citation: Shenderovskaya N. S. Groupism as a core element of Japanese national character. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 4(14):141-151. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-141-151>. <https://elibrary.ru/vuywhj>.

Введение

Народу любой культуры свойственно стремление к самопознанию. Желание определить «себя» и свое место в мире, с одной стороны, объединяет людей, общей целью, а с другой – разобщает, по-

рождая неизбежное сравнение «себя» с «другим». Однако такой самоанализ нельзя приравнивать к объективной оценке своего национального характера и истинных причин поведения. Изучение человека в качестве участника организованно-

го общества еще только развивается, однако, уже можно выявить определенные результаты.

В данной статье пойдет речь о национальном характере народа Японии, а именно о его таком ключевом и во многом определяющей элементе как «группизм» или «групповое сознание». Для того, чтобы речь о культурной специфике данной страны шла в объективном ключе, необходимо осветить вопрос становления того имиджа этой страны, который сложился на данный момент.

Япония стала особенно привлекать всеобщее внимание примерно с середины XX столетия, когда многие западные и российские ученые-японисты, антропологи, культурологи обратились к исследованиям ее национальной специфики, культуры и социального развития с точки зрения попыток понять противника во Второй мировой войне (Р. Бенедикт; Т. Парсонс и др.). Однако первой волной самоанализа можно считать ещё период эпохи Токугава (1603-1867 гг.) – время, когда японская нация начала противопоставлять себя китайской. После более близкого знакомства с западными странами в конце XIX века сравнение строилось на базе противопоставления себя Западу. Такое изучение, которое приходилось на кризисные годы в истории Японии, породило многодисциплинарный научно-эссеистский жанр литературы под названием «Нихонбунка-рон» («Теории о

японцах»). Эти исследования и стали основой представлений о Японии и ее национальном характере не только за рубежом, но и внутри самой страны [Молодяков, 2011].

В «теориях о японцах» выделяют два направления:

– общие исследования японской национальной специфики (общество, культура, личность, этнопсихология);

– исследования теории японской культурной исключительности, которые тесно связаны с националистической идеологией. Их характерная черта – отрицание возможности понять японскую культуру не только представителями других культур, но и на других языках [Корнилов, 1985].

В данной работе, описывая особенности японского национального характера, мы будем придерживаться работ, написанных с нейтральной позиции, и признанных как в Японии, так и за ее пределами, вызывающие наибольшее доверие у большинства исследователей.

Место группового сознания в японском обществе

Для многих исследователей Японии особый интерес представляет вопрос социального взаимодействия жителей этой страны. Во-первых, потому что, сталкиваясь на практике с коммуникативными особенностями японцев, любой иностранец испытывает трудности коммуникации, во-вторых – именно в социальном взаимодей-

ствии и его особенностях иностранцы видели ключ к «японскому экономическому чуду», который Япония продемонстрировала в послевоенный период развития.

В развитии теории национального японского самопознания большую роль сыграла японский социолог Наканэ Тиэ. Ее теория общества вертикальных отношений «*татэ сякай*» была активно принята зарубежными и японскими специалистами как базовая социокультурная модель японского общества.

Согласно Наканэ, в различных обществах люди группируются по двум основным принципам и в двух плоскостях:

1. группа формируется из качественно однородных членов, которые обладают общими признаками, то есть общей принадлежностью (возраст, пол, профессия, социальная категория и т. п.). Между ними устанавливаются горизонтальные связи. Хорошим примером здесь является школьный класс: он формируется по признаку единства возраста и вида деятельности индивидуумов;

2. группа формируется из членов разной с разными признаками, но объединенных одним местом «ба» (деревня, фирма, школа). Устанавливаются вертикальные, иерархические связи, объединенные одной институциональной рамкой [Наканэ, 1970].

Наканэ утверждает, что в любом обществе имеют место быть оба типа, и каждый человек является

членом и того, и другого. Разница между обществами заключается только в функциональной значимости этих групп.

В обществах, где преобладают горизонтальные связи, преобладает общая идентификация. Например, «я – зубной врач» или «я – менеджер по продажам». Исследователь относит к этому типу страны Запада, Индию, Китай. В вертикальных обществах преобладает идентификация по месту учебы, работы и т. д. Например, «я – работник больницы №5» или «я – работник компании Тойота». К этому типу она относит Японию. Институциональная единица (место) в Японии является основой социальной организации, прототип которой (го) исследователь видит в традиционной японской семье «*ие*» [Наканэ, 1970].

Принцип отношений «*ути-сото*» (внутренний-внешний) определяет принадлежность японца к определенной группе. Вследствие этого степень формализованности отношений относительно других стран высока, и японцы выстраивают отношения, манеру поведения, тон, основываясь, прежде всего, на том к какой группе принадлежит собеседник и какой у него статус. Высоко ценится сдержанность в проявлении чувств и умение находить компромисс, от чего социум многое выигрывает. Принцип отношений «*ути-сото*» (внутренний-внешний) определяет принадлежность японца к определенной группе. Вследствие

этого степень формализованности отношений относительно других стран высока, и японцы выстраивают отношения, манеру поведения, тон, основываясь, прежде всего на том, к какой группе принадлежит собеседник и какой у него статус. Высоко ценится сдержанность в проявлении чувств и умение находить компромисс, от чего социум многое выигрывает. Межличностные отношения, построенные в вертикальной плоскости, обозначаются понятием «оябункобун», означающим отношения родителей и ребенка, учителя и ученика, старшего и младшего как по социальному положению, так и по возрасту. Принцип «сэмпай-кохай» – разновидность таких групповых взаимоотношений. Этот принцип выражается в наставнической деятельности со стороны более опытных членов группы по отношению ко вновь прибывшим. Так, отношения в группе и в обществе строго фиксированы, порождая его замкнутость [Хлебус, 2015].

Перечислим основные характерные черты японской группы по Наканэ:

- вертикальная субординация между членами;
- внутригрупповая дифференциация на основе ранга и статуса;
- функциональные отношения имеют неформальную основу;
- роль лидера определяется местом в группе и связями с другими членами.

Несмотря на критику за недостаточное внимание к элементам горизонтальной стратификации в японском обществе и за игнорирование исторического контекста теории Наканэ до сих пор пользуется большой популярностью и подтверждается другими исследованиями японского общества. Так, данная теория хорошо дополняется одним из ведущих представителей психоаналитического направления в японской культурологии, японским психиатром и этнопсихологом Дои Такэо. Разработанная им концепция под названием «теория «амаэ» и сейчас является одной из ведущих в японоведении.

Исследователь выделяет ключевое понятие японского менталитета и структуры всего японского общества – феномен «амаэ». Это понятие можно перевести как «зависимость от благожелательности других». Оно обозначает ориентацию на зависимость от другого и на его благожелательное и снисходительное отношение. Такая психология сходна с поведением ребенка, ищущего постоянной опоры и поддержки у родителей [Дои, 2001]. Перекос в сторону данного психологического феномена порождает такую особенность японцев, как избегание говорить «нет». Поскольку отношения, в основе которых лежит «амаэ» нестабильны, люди сильнее испытывают тревогу их разрушить. Приведем пример: Мамэ, Нацуми, Юки и Мико – лучшие подруги и много проводят

времени вместе. Сегодня Мамэ предложила пойти в кино. Нацуми и Юки согласились. Мико совсем не хотела куда-то идти, но в рамках общей зависимости внутри своей группы чувствовала, что надо [Япония. Как ее понять, 2006].

Такэо отмечает, что данный феномен человеческих отношений получил словесное выражение только в японском языке, что может указывать на то, что особая восприимчивость японцев к «амаэ» стала причиной акцентирования вертикальных отношений в обществе. Однако настаивает на том, что в его основе лежит нечто общее для всех людей [Дои, 2001].

Таким образом, в обществе, где преобладает вертикальная структура, психология «амаэ» становится ведущей. Причиной этому является то, что в вертикальных отношениях большую роль играет привязанность подчиненного к вышестоящему, социальный обмен между которыми не равносильный, а отношения носят взаимозависимый и эмоциональный характер. Стратификация всего вертикального общества при этом происходит по институтам и группам, а не по классам или слоям. Поэтому основная борьба в японском обществе происходит не между классами людей, а между компаниями, то есть в вертикальной плоскости социальной структуры [Корнилов, 1985].

То, что общества Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии в том числе) структурно отличаются

от Западных, заметил и японский исследователь Х. Сакамото, который подробно исследовал азиатский этнос. По его мнению, суть его заключается в стремлении достичь гармонии целого (в отличие от западного стремления к индивидуализму). Таким образом, общая гармония и социальный порядок в этих обществах выходят на первый план, а индивидуальные интересы и личное достоинство не имеют первостепенной важности. Такая гармония достигается путем распределения социальных ролей между людьми и выполнения соответствующих обязанностей [Чугров, 2009]. Следствием общего стремления сохранять гармонию и равновесие в обществе является формирование и генетическое укрепление группового сознания.

Типология организационных культур нидерландского социолога Г. Ховстеда, разработанная им по результатам всестороннего исследования подразделений транснациональной корпорации IBM, считается одной из наиболее известных, благодаря набору универсальных параметров, по которым проводился анализ организационного поведения в разных культурах. Данный анализ показал, что Япония отличается коллективистским типом организации общества, большой дистанцией власти, маскулинностью общества и недоверием к будущему [Оксинойд, 2013].

Для нас особый интерес представляет параметр «коллективизм-

индивидуализм», который в данном исследовании показывает степень самостоятельности людей как членов группы, что определяет тесноту социально-психологической связи в обществе. Он может включать в себя такие индикаторы, как: приоритет подготовки работника со стороны компании эмоциональная зависимость от компании, стремление работать в крупных компаниях, преобладание моральных обязательств к компании, склонность предпочитать собственные цели общественным, привлекательность групповых решений, ориентация на долг, осуждение индивидуальной инициативы, оперирование категориями «свой»/«чужой» и т. д.

Интересно, что Россия по типологии Ховстеде также вошла в список тех стран, которые можно отнести к коллективистским в отличие от стран Запада. Таким образом, с точки зрения социального взаимодействия людям, принадлежащим к русской культуре, возможно, легче понять способы взаимодействия между японцами.

Формирование группового менталитета личности начинается с самого детства в рамках семейных и образовательных отношений. По мнению социального психолога Тамоцу Шибутани, совместная жизнь людей настолько важна, что от нее зависит само выживание человеческого рода. Коллективная жизнь людей позволяет выживать в неблагоприятных условиях, развивать лингвистическую коммуника-

цию, рефлексивное мышление и самодисциплину [Шибутани, 1999]. Таким образом, групповая жизнь оказывается естественной и необходимой в любом обществе. Однако особенности ведения сельскохозяйственных работ в японской общине, требовавшие тесного сотрудничества и кооперации ее членов, определили такую высокую степень коллективизма в японском обществе, которую мы наблюдаем. В этой связи сложился определенный способ воспитания детей, главной целью которого является сделать из ребенка достойного члена японского общества.

Если западный метод воспитания детей дошкольного возраста отличается большой вербализацией, то японский – более близкой телесной связью матери и ребенка, а также наглядностью объяснений [Лебра, 1976]. Чтобы научить ребенка чему-либо новому японская мать будет непосредственно демонстрировать действие необходимое количество раз, пока ребенок не повторит. Считается, что ребенок не равен взрослому, поэтому правила поведения вводятся постепенно с пяти лет, после так называемого «периода вседозволенности». К их соблюдению ребенка подводят косвенным образом, так, чтобы он сам пришел к выводу о необходимости их выполнять или редко просил напрямую. Главную роль в этом играет манипуляция чувством стыда и страх отчуждения от «группы», который особенно выражен

благодаря акценту на психологии «амаэ» в отношениях. Таким образом, можно сказать, что воспитание базируется на чувствах и непосредственном проживании того или иного опыта, а не на аргументированных логичных доводах, из которых ребенок самостоятельно делает выводы о том, каким должно быть правильное поведение.

Этот способ является отражением своеобразия национального характера японцев и нацелен на решение следующих задач:

1. воспитать человека, который умеет слаженно работать в коллективе (группе), то есть является гармоничным членом своей группы;

2. воспитать конкурентоспособного человека (для чего необходима индивидуальность личности) [Ямамото, 2015].

Вышеупомянутые задачи выглядят противоречиво, однако с точки зрения японской традиции воспитания, нацеленной, прежде всего, на успех группы, они дополняют друг друга. Выпячивание индивидуальных способностей и успехов в японском воспитании не поощряется, как и внутригрупповая конкуренция. Но если индивид использует свои таланты с целью привести к процветанию группу, к которой он принадлежит, то с тем, чтобы развивать свои таланты, никакого противоречия не возникает. Таким образом, когда каждый старается быть лучшим, повышается общий уровень всей группы, а, если смотреть мас-

штабнее, укрепляется общество в целом.

Заключение

То, что перекокс в сторону группового воспитания приводит к неумению гибко мыслить, было осознанно правительством Японии. И сейчас наблюдаются попытки повысить уровень индивидуальности членов общества с тем, чтобы они приобрели навыки творческого подхода и гибкости мышления. Но стоит отметить, что за образец берется индивидуализм западного образца, который сформировался на базе христианского мышления, при котором успокоение приходит от веры в личную связь с Богом. Такое мировоззрение нехарактерно для японского народа, которому изначально свойственно осознание себя во взаимосвязи с миром, что нашло свое отражение в национальной религии синтоизме. Синтоистская традиция подразумевает, что после смерти человек переходит в мир мертвых, достойное существование в котором обеспечивается соблюдением культа предков живыми членами семьи. Таким образом усопшие предки как бы продолжают участвовать в жизни своих родственников [Хлебус, 2015].

Члены японского общества все еще в большей степени ориентируются на чувства окружающих, интересы своей группы и гармонию в отношениях, нежели на индивидуальные предпочтения. Однако противостояние между индивидуальным и групповым, наблюдаемое на

данный момент в японском обществе, порождает много противоречий. Тем не менее оно является естественным процессом глобализации, результаты которой нам еще предстоит увидеть в будущем. От того смогут ли японцы интегриро-

вать в свой национальный характер, ядром которого является групповое создание, индивидуализм, заимствованный из западной культуры, может зависеть гармоничность развития японского общества в целом.

Библиографический список

1. Еремин В. Синто в наши дни // Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. I. Очерки по истории синто / под ред. Е. М. Ермаковой, Г. Е. Комаровского, А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург : Гиперион, 2002. С. 360.
2. Ефремов И.И. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // Философия и общество. Выпуск №1(38). 2005. С. 38-49.
3. Корнилов М. Н. Группа с вертикальными отношениями // Японское общество и культура. выпуск 3. Москва : ИНИОН АН СССР, 1985. С.27-32.
4. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. Москва : Моногаратари, 2011. 304 с.
5. Накорчевский А. А. Синто. Санкт-Петербург : Азбука – классика, Петербургское востоковедение, 2003, 448 с.
6. Оксина К.Э. Типология организационных культур Герта Хофстеда. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>, 2013. (Дата обращения 29.09.2022).
7. Пронников В. А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Москва : ВиМ, 1996, 400 с.
8. Сельченко К. В. Психология зависимости. Хрестоматия. Минск : Харвест, 2007. 592 с.
9. Харуми Бэфу Японская культура и теория «Нихондзин Рон» / Харуми Бэфу, Хидэхиро Сонода // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. №2. С. 117-122.
10. Хлебус Е.Е. Группизм, как характерная черта японской социокультурной традиции // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. №1-2 (22). С. 54-58.
11. Чугров С. В. Анти-«нихондзин рон», или новые мифы об уникальности японской политической культуры // Япония в Азиатском-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. Москва : Вост. Лит., 2009, С. 218-244 .
12. Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. Москва : Вост. Лит., 2010, 312 с.
13. Шибутани Тамоцу Социальная психология. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999, 544 с.
14. Ямамото Юка Японские дети слушают старших и едят рис. Москва : АСТ, 2015. 288 с.

15. Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры /ред. Роджер Дж. Дэвис, Осаму Икэно. Москва : АСТ: Астель, 2006, 317 с.

16. Yoshitaka Miike, Japanese Enryou-Sasshi Communication and the Psychology of Amae: Reconsideration and Reconceptualization/ Keio Communication Review No. 25, 2003, С. 43-115.

17. Yamaguchi Susumu, Ariizumi Yukari, Close Interpersonal Relationships among Japanese: Amae as Distinguished from Attachment and Dependence / Indigenous and Cultural Psychology. Understanding People in Context /, Springer Science + Business Media Inc., 2006, С. 163-174.

18. Lebra, Takie Sugiyama. Japanese patterns of behavior. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 300 с.

19. Chie Nakane, Japanese society, Berkeley, Los Angeles, London, 1970, 158 с.

20. 土居健郎「甘え」の構造」。東京：光文堂, 2001, 294 с.

Reference list

1. Eremin V. Sinto v nashi dni = Shinto nowadays // Sinto – put' japonskih bogov: V 2 t. T. I. Oчерki po istorii sinto / pod red. E. M. Ermakovoj, G. E. Komarovskogo, A. N. Meshherjakova. Sankt-Peterburg : Giperion, 2002. S. 360.

2. Efremov I.I. Funkcii i rol' avtoriteta kak fenomena social'noj zhizni = The functions and role of authority as a phenomenon of social life // Filosofija i obshhestvo. Vypusk №1(38). 2005. S. 38-49.

3. Kornilov M. N. Gruppa s vertikal'nymi otnoshenijami = A group with vertical relations // Japonskoe obshhestvo i kul'tura. vypusk 3. Moskva : INION AN SSSR, 1985. S. 27-32.

4. Molodjakov V.Je. Japonija v menjajushhemsja mire. Ideologija. Istorija. Imidzh = Japan in a changing world. Ideology. History. Image. Moskva : Monogaratari, 2011. 304 s.

5. Nakorchevskij A.A. Sinto. = Shinto. Sankt-Peterburg : Azbuka – klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2003, 448 s.

6. Okcinojd K.Je. Tipologija organizacionnyh kul'tur Gerta Hofsteda = Gert Hofstede's typology of organization cultures. URL: <https://www.cfin.ru/management/people/culture/Hofstede.shtml>, 2013. (Data obrashhenija 29.09.2022).

7. Pronnikov V. A. Japoncy (jetnopsihologicheskie oчерki) = The Japanese (ethnic-psychological sketches) / V. A. Pronnikov, I. D. Ladanov. Moskva : ViM, 1996, 400 s.

8. Sel'chenok K. V. Psihologija zavisimosti. Hrestomatija = The psychology of addiction. Anthology. Minsk : Harvest, 2007. 592 s.

9. Harumi Bjefu Japonskaja kul'tura i teorija «Nihondzin Ron» = Japanese culture and the Nihonjin Rong theory / Harumi Bjefu, Hidjehiro Sonoda // Afro-aziatskij mir: problemy civilizacionnogo analiza. 2004. №2. S. 117-122.

10. Hlebus E. E. Gruppizm, kak harakternaja cherta japonskoj sociokul'turnoj tradicii = Groupism as a characteristic feature of the Japanese sociocultural tradition // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2015. №1-2 (22). S. 54-58.

11. Chugrov S. V. Anti-«nihondzin ron», ili novye mify ob unikal'nosti japonskoj politicheskoj kul'tury = The anti-“nihonjin ron”, or new myths about the Japanese unique political culture // Japonija v Aziatskom-Tihookeanskom regione: politicheskie, jekonomicheskie i social'no-kul'turnye aspekty. Moskva : Vost. Lit., 2009, S. 218-244.
12. Chugrov S.V. Japonija v poiskah novoj identichnosti. In-t mirovoj jekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij RAN. = Japan in search of a new identity. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Moskva : Vost. Lit., 2010, 312 s.
13. Shibutani Tamocu Social'naja psihologija = Social psychology. Rostov-na-Donu : Feniks, 1999, 544 c.
14. Jamamoto Juka Japonskie deti slushajut starshih i edjat ris. = Japanese children listen to their elders and eat rice. Moskva : AST, 2015. 288 s.
15. Japonija. Kak ee ponjat': ocherki sovremennoj japonskoj kul'tury = How to understand it: Essays on modern Japanese culture /red. Rodzher Dzh. Djevis, Osamu ikjeno. Moskva : AST: Astel', 2006, 317 s.
16. Yoshitaka Miike, Japanese Enryou-Sasshi Communication and the Psychology of Amae: Reconsideration and Reconceptualization/ Keio Communication Review No. 25. 2003. S. 43-115.
17. Yamaguchi Susumu, Ariizumi Yukari, Close Interpersonal Relationships among Japanese: Amae as Distinguished from Attachment and Dependence / Indigenous and Cultural Psychology. Understanding People in Context /, Springer Science + Business Media Inc., 2006, S. 163-174.
18. Lebra, Takie Sugiyama. Japanese patterns of behavior. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 300 s.
19. Chie Nakane, Japanese society, Berkeley, Los Angeles, London, 1970, 158 s.
20. 土居健郎「甘え」の構造」。東京：光文堂，2001，294 s.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 23.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 29.09.2022; approved after reviewing 23.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022